

К.Н. ЛЕОНТЬЕВ В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14. В25.31.0009.

Рассматриваются взгляды К.Н. Леонтьева на происходившие во второй половине XIX в. национальные процессы в Европе и их влияние на национальную политику Российской империи. Исследуется предложенный русским мыслителем механизм взаимодействия нации и государства в политическом, религиозном и культурном контексте. Основопологающим принципом этого взаимодействия являлся византизм, предполагавший безусловное подчинение всех элементов общества, народа и церкви государству.

Ключевые слова: национализм; нация; национальность; византизм; славянофильство.

Преобразование России в многонациональное государство и расширение ее территории за счет включения новых регионов с их существенно отличительными социально-экономическими и культурными особенностями требовали от русской интеллектуальной элиты осознания этого многообразия и внесения корректив в представление о роли и участии русского народа в общеимперской жизни. Не могли не повлиять на развитие русского национального дискурса национальные процессы в Европе, принявшие весьма интенсивный характер в XIX в. Важной частью их и одновременно результатом стала выработка национальных идей, пришедших на смену доминировавшему в XVIII в. космополитизму. Развиваясь в тесной связи с идеологией либерализма, национализм сформулировал новые принципы государственности, согласно которым каждая нация имела право на создание собственного национального государства, где политическая власть была бы имманентно связанной с национальным сообществом.

Реализация данных принципов радикально изменила политическую карту Европы и систему государственной организации большинства европейских наций. Национальные государства, ставшие доминирующей формой, явились вызовом сохранившимся многонациональным империям с их полиэтническими сообществами, многие из которых претендовали на государственную самостоятельность.

Поэтому острота и актуальность осмысления всего комплекса межнациональных отношений стали особенно очевидными во второй половине XIX в., когда гетерогенный характер Российского государства стал отчетливо осознаваться русской элитой как политическая проблема.

Одной из наиболее ярких фигур в русском национальном дискурсе, безусловно, являлся К.Н. Леонтьев, чьи работы имели общественный резонанс при жизни автора, но еще большую дискуссионность приобрели в конце XIX в. Изначально обсуждение творческого наследия русского мыслителя велось с точки зрения его позиционирования относительно доктрины славянофильства.

П.Н. Милюков проводил четкую границу между славянофильством, существование которого ограничивал 1840–1860 гг., и теми представителями общественной мысли России 1880-х гг., которые претендо-

вали на его идейное наследие. Славянофильство историк считал закономерным порождением своего времени, интеллектуальным отражением происходивших в русском обществе процессов, но был убежден, что с изменением самого российского общества «славянофильство умерло», а стремление к использованию его доктрины он считал эпигонством. Все «болезни» и крайности славянофильства стали особенно заметны со сменой поколения славянофилов и уходом основателей учения. Раскол среди адептов позднего славянофильства стал заметным и позволил П.Н. Милюкову выделить «белое славянофильство», к которому он отнес Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. В их интерпретации «национальный абсолютизм», утративший гуманитарную основу, трансформировался в идею национального превосходства и национальной исключительности [1. С. 305–306].

С.Н. Трубецкой в своей статье сосредоточился на исследовании соотношения идей славянофилов и К.Н. Леонтьева, которого, несмотря на отказ славянофилов признавать своим, идентифицировал как славянофила, пытавшегося приспособиться к новым историческим реалиям [2. С. 178–179]. С.Н. Трубецкой не проводил дифференциацию позднего славянофильства, указывая на логическую трансформацию их политических установок к национализму, избавившемуся от принципа справедливости в межнациональных отношениях, за который ратовали их предшественники как противоречащий защите интересов русского народа [Там же. С. 182–183]. Но в современном ему консервативном национализме ученый находил разночтения, выделяя консервативных патриотов, выступавших за усиление русификации во внутренней политике и создание единого славянского государства во внешней. К.Н. Леонтьев, будучи в представлении С.Н. Трубецкого реакционером и националистом, не поддерживал данную программу. Однако либералу здесь представлялось не противоречие доктрине славянофильства, а, наоборот, твердое следование абсолютному неприятию европейского влияния, в том числе в виде торжества космополитизма и либеральных ценностей. С.Н. Трубецкой одним из первых указал на цельность идей К.Н. Леонтьева, определившего отказ от русификации условием противодействия революционным процессам [Там же. С. 190].

А.Н. Пыпин, в целом соглашаясь с оценкой славянофильства, данной П.Н. Милюковым, считал, что последний поторопился с похоронами этого течения, поскольку национально-религиозная традиция, исходящая из противопоставления России и Европы, трансформировалась в новые формы. Публицист оговаривал отсутствие абсолютной идентичности взглядов К.Н. Леонтьева с классическим славянофильством, но признавал их генетическую связь как консерваторов-националистов. А.Н. Пыпин, как и П.Н. Милюков, указывал на ошибочность определения главным критерием принадлежности к славянофильству наличие панславистских идей. Но если у П.Н. Милюкова заметно некоторое противопоставление ранних славянофилов с их последователями, то у С.Н. Трубецкого и А.Н. Пыпина русский национализм изначально носил реакционный характер [3. С. 311–312].

Л.А. Тихомиров, возражая А.А. Кирееву и С.Н. Трубецкому, отлучавшим К.Н. Леонтьева от славянофильства, указывал на большую близость его взглядов первым славянофилам, чем панславистам, монополизировавшим их наследие. Л.А. Тихомиров писал о достаточно индифферентном отношении многих славянофилов (И.В. Киреевского, И.С. Аксакова) к идее славянского единства и доминировании в их взглядах задачи защиты русской национальной идентичности, сохранения национальной культуры и духовности. Различия в трактовке национальных проблем первыми славянофилами и современными русскими националистами Л.А. Тихомиров объяснял не изменением подходов к национальному вопросу, а значительными сдвигами в самой национальной практике, различием в реалиях межнациональных отношений 1840-х и 1890-х гг. [4. С. 872].

В представлении Н.А. Бердяева идеи К.Н. Леонтьева оппонировали славянофильским. К.Н. Леонтьев считал, что стремление славянофилов разбудить национальные силы чревато для России гибельными последствиями, которые уже испытала на себе Европа. Национализм, превратившийся в орудие либерального эгалитаризма, мог быть остановлен только консолидацией общества под эгидой государства. Для К.Н. Леонтьева враждебны были любые национальные движения, и русское в том числе. В своем желании противодействовать национализму мыслитель призывал к прекращению политики обрусения, несшей либерализм на окраины России [5. С. 517–518, 529].

В научной литературе советского периода преобладающей была трактовка идей К.Н. Леонтьева как продолжателя «реакционных» славянофильских взглядов на национальные проблемы. Здесь мыслитель представал адептом агрессивной политики царского самодержавия. Во внутренней политике его взгляды отождествлялись с охранителями в поддержке курса правительства на подавление национально-освободительных движений [6. С. 8–16; 7. С. 227–254; 8. С. 97–106].

Схожая позиция встречается и в зарубежных исследованиях, где К.Н. Леонтьев предстает ярким представителем русского национализма. Важным элементом его доктрины было постоянное сравнение России с Европой, понимание отставания в социаль-

но-экономическом и политическом развитии. Поиск сфер, где возможно было достижение превосходства России (истинного или мнимого), приводил мыслителя к обоснованию особой духовности русской нации, уходящей корнями в прошлое, которая была утрачена европейцами [9. С. 190–192].

Принципиальный недостаток данного подхода к феномену русского национализма видится в стремлении доказать универсальность его идей, свойственных всем представителям общественной мысли, имевшим единые славянофильские корни, либо русским национализмом считается только консервативно-славянофильское крыло, которое выступало носителем панславистских идей и ксенофобии.

В современной отечественной и зарубежной литературе заметно стремление отказаться от подобной трактовки русского национального дискурса второй половины XIX в. Указывается на несовпадение русского национализма и государственной национальной политики, акцент делается на многомерности подходов русских мыслителей к национальным проблемам [10. С. 446–451]. Внимание многих исследователей сосредоточилось на соотношении феноменов национализма и консерватизма в русской общественной мысли. Здесь справедливо отмечалось, что традиционное «привязывание» русского национализма к консервативному течению неверно. Авторы напоминают, что политический европейский национализм XIX в. тесно переплетался с процессами либерализации и не мог позитивно восприниматься К.Н. Леонтьевым как ярким представителем русского консерватизма [11. С. 116–130]. Исследователи наследия К.Н. Леонтьева акцентируют внимание на своеобразии, глубине и неоднозначности его взглядов на национальные проблемы, оппонировавшие и либеральному национализму, и панславистской доктрине, и имперскому направлению русского охранительства [12. С. 332–335; 13. С. 333–338; 14. С. 23–30; 15. С. 128–143].

К.Н. Леонтьев попытался выстроить механизм воздействия процессов либерализации европейского общества, сопровождавших национальные движения в XIX в., на реализацию национальных проектов. Он доказывал, что либеральный эгалитаризм уничтожал индивидуальность личности, ликвидируя все существовавшие в обществе различия – сословные, религиозные, корпоративные: «Индивидуально нередко и весьма энергические люди, при долгом существовании такого (индивидуалистического) строя, сохраняют в личности своей почти одни физиологические особенности. Особенности же сословной, религиозной, провинциальной, общинной, цеховой и т.п. окраски и выработки при таком строе скоро пропадают. Вследствие этого личность, не слабея еще вдруг со стороны воли и энергии, слабеет скоро со стороны множества разных других особенностей» [16. С. 914]. Поскольку национальные особенности вырабатывались как результат развития конкретных сообществ, то они отражались в социальных, культурных, психологических особенностях. Либерализм смещал ценностные установки, ликвидировал важнейшие социальные маркеры внутри нации. Данные процессы об-

рели всеобщий характер, затрагивая большинство развитых европейских стран. Но если представители разных народов не различались индивидуально, то терялись и различия между народами, что неизбежно вело к изменению национальных черт и идеалов в сторону их универсализации [16. С. 914–915]. К.Н. Леонтьев называл данный процесс «утилитарной ассимиляцией»: «Революция, ассимиляция, эгалитарно-либеральный прогресс – все это для меня только разные названия одного и того же процесса. Этот процесс, если он не приостановится и не возбудит наконец крайностями своими глубочайшее себе противодействие, должен рано или поздно не только разрушить все ныне существующие особые ортодоксии, особые культуры и отдельные государства, но, вероятно, даже уничтожит и само всечеловечество на земле, предварительно сливши, смешавши его в более или менее однородную – более или менее однообразную – социальную единицу. В однообразии – смерть» [17. С. 993].

Использование термина «национальная политика» для характеристики социально-политических процессов Европы XIX в. К.Н. Леонтьев считал не совсем правильным. Вернее было бы использовать термины «политика национальностей» или «племенная политика» [16. С. 919]. Национальной, по мнению Леонтьева, могла быть только политика, направленная на укрепление или защиту религиозных основ нации, в используемом по отношению к Европе варианте речь шла о защите племени и языка.

К.Н. Леонтьев противопоставлял племенную политику эпохи либерализации процессам национального объединения XV–XVII вв., также ставившим целью консолидацию нации в рамках единого государства, но в силу реализации их монархическими силами, дворянством, не разрушавшим главные национальные устои – монархизм, сословность, религиозность. Таким образом, публицист не был противником национализма вообще. Его не устраивал национализм либеральный [18. С. 205–206]. Субъектом позитивного, созидавшего национализма К.Н. Леонтьев признавал монархическое государство, дворянство, церковь. Народ был носителем национальных традиций, но неразумным, поддававшимся негативному воздействию либеральной интеллигенции, следовательно, утверждал публицист, его необходимо было держать в жестких рамках с помощью государственной власти, религии и строго иерархической сословной системы. Национализм либеральный, допускавший активное участие народа в социально-политических процессах, он считал опасным и вредным.

Для нации определяющим являлась не роль господствовавшего племени или его языка, а «совокупность всех тех культурных признаков, которыми отличается эта нация от других», главенствующим из которых являлась религия, затем особенности государственной организации и «внешнебытовые отличия» (которые имели, по мнению публициста, глубокое психическое значение): «И таким образом, считая культурные (идеальные) отличия более существенными для национальной жизни, чем признаки физио-

логические и филологические, принимать за истинно национальную политику не столько ту, которая способствует распространению и преобладанию и внутри, и вне известного племени с его языком (или с родственными ему), сколько ту политику, которая благоприятствует сохранению и укреплению стародавних культурных особенностей данной нации и даже возникновению новых отличительных признаков (разумеется, естественно подходящих к среде, способных привиться к ней)» [16. С. 920–921]. Поэтому, настаивал публицист, национальной могла считаться только «культурно-обособляющая», а не «племенная» политика: «Первая верна и охранительна; последняя революционна (т.е. космополитична) и обманчива» [Там же. С. 921].

Итак, К.Н. Леонтьев предлагал считать в России национальной только политику, имевшую целью сохранение монархизма, православной религиозности и сословности. Выпадение какого-либо из указанных элементов лишало политику национального характера. Так, политика Петра I была направлена на укрепление монаршей власти с определенными оговорками на укрепление сословного строя, но разрушала культурно-религиозные основы, в силу чего публицист характеризовал ее как антинациональную. Так же и Николай I стремился сделать Россию сильнейшим европейским государством, не заботясь о предотвращении губительного воздействия на нее европеизма. В обоих случаях политика была государственной, но не национальной [Там же. С. 922–923].

В то же время защита национально-культурных традиций без признания абсолютной доминанты их религиозных основ, веры сама по себе не могла рассматриваться как национальная политика. В противном случае, как это было с «выдающимися защитниками русской народности» М.Н. Катковым и И.С. Аксаковым, абсолютизация славянского единства в противовес единства православного, привела их к «племенизму». Таким образом, для К.Н. Леонтьева русская национальная идентичность была производной от православной идентичности. Верность византийскому православию была выше интересов собственно великорусского этноса, не говоря уже о славянском единстве [Там же. С. 924–925].

Хотя К.Н. Леонтьев позиционировал византизм как «особого рода образованность или культуру», но, исходя из приоритетности предлагавшихся им ценностей, скорее византизм – это комплекс идей, центром которого являлось государство, т.е. государственная идеология [19. С. 34]. Для К.Н. Леонтьева субъект исторической деятельности – не цивилизация, не нация, а государство. Все остальные элементы были вторичны, носили обслуживающий по отношению к нему характер и оценивались с точки зрения соответствия интересам монархической государственности.

Православие у славянофилов – духовная основа русской нации, один из важнейших ее маркеров. Оно служит связующим звеном между нацией и государством, выполняя роль государственной идеологии. Но поскольку важнейший принцип общественного устройства – автономия народности, церкви и государства, то для православия роль государственной

идеологии – одна из функций, не абсолютно превалирующая. Это, прежде всего, вера и только потом – церковь [20. С. 236–237; 21. С. 8–9, 20–23]. К.Н. Леонтьев видел православие в трактовке А.С. Хомякова, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина «сомнительным и... быть может... при неосторожных дальнейших выводах... и весьма опасным» [17. С. 1074]. Православие у К.Н. Леонтьева – прежде всего, государственная религия, идеология, идеально встроенная в систему монархизма и обеспечивавшая беспрекословную поддержку государству со стороны народа [19. С. 35, 38, 40].

Народ для К.Н. Леонтьева – скорее население государства. Публицист скептически оценивал способность национальных факторов (языка, общности происхождения) консолидировать человеческие – сообщества. Единство народа создавало государство. «Качество» различных народностей К.Н. Леонтьев оценивалось с точки зрения способности подчиняться государству. Достоинство русского народа заключалось в отсутствии у него стремления вмешиваться в политику [Там же. С. 64–65].

Таким образом, византизм как идеологическая доктрина основывался на безусловном подчинении всех элементов общества, народа и церкви государству. Для К.Н. Леонтьева единственной «правильной» формой государства был абсолютизм, требовавший подчинения всех элементов общественного устройства. Поэтому славянофильская идея равнозначности народности и православия самодержавию виделась ему опасной, несущей элемент либерализма, поскольку являла собой угрозу абсолютизации государственной власти.

Идея нации как автономного субъекта исторической деятельности им категорически отвергалась по той же причине. Национально-освободительное движение виделось ему неразрывным с либеральными революциями, поскольку либерализм боролся за ликвидацию жесткой иерархической общественной системы, т.е. «византизма», за автономию личности, нации. Право нации на самоопределение предполагало согласие на существование альтернативной государству общественной силы, автономного общественного института.

Нацию, считал К.Н. Леонтьев, нельзя было представлять политической категорией, а только культурным феноменом. Нация – собственно само отдельное человеческое сообщество. Нация конкретна, материальна. Национальность – это совокупность черт и качеств, характеризующих нацию, сложившихся в результате исторического развития: «Чем эти признаки резче, чем эта совокупность их выразительнее, тем более в нации национальности, т.е. особенности, своеобразности, оригинальности». Это «идос» (т.е. «эйдос») нации. Национальность идеальна – это отражение нации в представлении людей [16. С. 913–914].

Разнообразие культур создавало феномен многонациональности. То есть отличие наций в своеобразии, самобытности культуры. Но превращение либералами нации в политическую категорию делало ее

столь универсальной и уничтожало культурное (национальное) многообразие [19. С. 66].

В России начатый Петром I процесс европеизации привел к культурному расколу общества, когда высшие слои прониклись европейской, точнее космополитичной, вненациональной культурой, а народные низы остались носителями национальной, русской культуры [22. С. 21]. Тем самым были обозначены две тенденции в развитии России: дальнейшее сближение с Европой и в итоге возобладание космополитизма и утрата национальной самобытности либо развитие своей культуры [19. С. 40–41].

К.Н. Леонтьев был против того, чтобы считать простонародные обычаи национальным идеалом. Он не отвергал необходимости взаимодействия с иными культурами, поскольку «...национальное своеобразие не может держаться одним охранением, обстоятельства вынуждают нередко принимать что-нибудь чужое для полного развития народного в высшее национальное» [22. С. 37].

Таким образом, развитая национальная культура возможна была на основе синтеза (или борьбы) национальных, народных традиций и внешнего воздействия. Только тогда образовывалось «цивилизованное, т.е. развитое, своеобразие», без которого «невозможна полная и широкая жизнь, достойная великого народа» [Там же. С. 41]. Любые универсальные, всемирные идеи, знания, как высшие (философские), так и низшие (повседневные, практические), должны облекаться в национальные формы, обретая тем самым новизну и оригинальность. Этот процесс национализации (национальной адаптации) общечеловеческого и являлся двигателем прогресса: «Тот народ наилучше служит и всемирной цивилизации, который свое национальное доводит до высших пределов развития, ибо одними и теми же идеями, как бы ни казались они современникам хорошими и спасительными, человечество жить не может» [Там же. С. 42–43]. Для реализации его в России необходимо развернуть систему народного образования, но при условии сохранения национальных корней. К.Н. Леонтьев называл подобный процесс синтеза «достижением полного руссизма». Он был идентичен теории формирования «общества» И.С. Аксакова, т.е. слоя европейски образованных людей, но сохранивших приверженность русским духовным ценностям [23. С. 30–35].

Принципиальное отличие своих взглядов от славянофильских К.Н. Леонтьев видел в определении исторических координат, понимании содержания этапа, который проходила Россия. Славянофилы рассматривали Россию как часть молодого, только выходящего на историческую арену славянского мира, готового перехватить лидерство у загнивавшей германо-латинской Европы. К.Н. Леонтьев полагал Россию частью европейского христианского мира также на стадии увядания: «Нет, мы не молоды! В некоторых отношениях мы даже дряхлы и не чужды всем тем недугам, которыми обыкновенно страдают стареющие народы. Но есть старость – и старость. Есть организмы, которые очень долго могут бороться с одолевающими их недугами последующего разруше-

ния, и есть другие, которые не в силах вынести такой долгой борьбы» [24. С. 416–417]. Россия еще способна не только выживать, но развиваясь национально, внести свой вклад в мировую цивилизацию, не вливаясь в нее, а внося новые черты. Поэтому, правильно осознав особенности переживаемой эпохи и определив перспективы, Россия должна сосредоточиться на сохранении национальной особенности: восточного православия, сильной монархической власти, опиравшейся на дворянство [Там же. С. 424–425].

К.Н. Леонтьев выражал сомнение в возможности в современных ему условиях рассматривать православие и русскую народность в качестве действительной основы Российской государственности. Русская интеллигенция, по его мнению, утратила свой духовный стержень – православие – и была поражена либерализмом. Поскольку интеллигенция – духовный лидер нации, то и «национальные свойства великорусского племени в последнее время стали если не окончательно дурны, то по крайней мере сомнительны» [25. С. 8].

В данных условиях обрусение было равнозначно распространению либеральных идей на национальные окраины. Лояльность последних по отношению к Российской империи автору виделась более очевидной, нежели у великорусских регионов. «Инородцы» – поляки, немцы, мусульмане, сохранили религиозность на уровне народного самосознания. Вера истовая и чистая была непреходимым препятствием для нигилизма и либерализма. Публицист подводит читателей к мысли, что с государственной точки зрения лучше верующий католик, чем атеист, а иноверцы более прочная опора престолу, чем либеральная и вольнодумная русская интеллигенция [Там же. С. 9]. Рефреном его работ следовало считать идею о приоритете интересов империи над интересами русской народности.

К.Н. Леонтьев задавался вопросом о соответствии борьбы с католицизмом задачам укрепления российской государственности. Как человек православный он был, безусловно, за переход католиков в православие, но предлагал смотреть на ситуацию реально. Борьба с католицизмом была важной составной частью русификации западных губерний России, однако публицист сомневался, что ослабление позиций католицизма в результате обрусения автоматически приведет к занятию его позиций православием. В условиях очевидного ослабления религиозности русской интеллигенции и роста религиозного индифферентизма, по его мнению, усиление русского влияния скорее будет иметь негативные последствия для религиозности национальных регионов: «Не православие предлагает великорусское “ядро” своим пестрым национальным окраинам, как предлагало оно татарам при Иоаннах, – а европейский прогресс самого разлагающего свойства» [26. С. 251]. Будет ослаблена вера вообще, а не только католическая. Вслед за этим последует всплеск либеральных и нигилистических настроений, которые стали едва ли не господствующими в русском образованном обществе и непременно распространятся на окраины, поэтому «русификация окраин есть не что иное, как демократическая европеизация их» [Там же. С. 252].

В результате публицист вынужден был признать, что «охранительные свойства» сильнее у инородцев и иноверцев, чем у русских, успешное сопротивление обрусению скорее во благо Российскому государству: «...и русский старовер, и ксендз, и татарский мулла, и самый дикий и злой черкес стали лучше и безвреднее для нас наших единокровных и по названию (но не по духу, конечно) единоверных братьев!» [26. С. 255].

Впрочем, и такая русификация была полезна, так как реакцией на нее явился рост национального самосознания и религиозности, что ставило надежный барьер проникновению вредоносных европейских идеологий. При этом К.Н. Леонтьев готов признать полезность даже вечного врага русской государственности – польского освободительного движения, чей разрушительный потенциал был утрачен, но которое поддерживало доминирование католической веры в общественном сознании поляков.

К.Н. Леонтьев призывал осознать ошибочность реформ и последовавшей внутренней политики, приведшей к разгулу либерализма, и спасти то, что еще можно спасти. Нужно было «заморозить», законсервировать здоровые элементы социально-политической системы, оставшиеся от благополучных николаевских времен. Это относилось и к остзейскому краю, гораздо менее затронутому негативными тенденциями, чем русские губернии. Здесь необходимо было поддерживать немецкое дворянство, еще способное удерживать общество от сползания к нигилизму, и прекратить заигрывание с «эсто-латышской демократизацией» [26. С. 257–258].

К.Н. Леонтьев являлся наиболее последовательным критиком панславизма. Он категорически отрицал «славизм» как идею духовного, языкового, исторического родства славян, позволявшего видеть в них некое единство, особую культурную, а в перспективе и политическую общность. Единственное, что, по мнению публициста, связывало славян, было общее племенное происхождение. Но затем, развиваясь в различных исторических ареалах, славянские народы выработали значительные государственные, культурные, психологические особенности, которые более сближали их с соседними неславянскими народами, нежели между собой: «Мы видим только общие стремления, отчасти общие племенные интересы и действия, но не видим общих своеобразных идей, стоящих выше племенного чувства, порожденных им, но после вознесшихся над племенем, для вящего всенародного, ясного руководства и себе, и чужим (человечеству)» [19. С. 67, 70, 74, 86–87].

К.Н. Леонтьев считал особую привязанность и любовь славян к России иллюзией российской славянофильской интеллигенции. Чешская интеллигенция, несмотря на традиционные антинемецкие настроения, регулярно совершала русофобские выпады в прессе. Южные славяне только использовали Россию для давления на Турцию, отнюдь не питая пиетета к русским как «старшему брату». Они не видели в русских родственный славянский народ, а скорее европейское государство в противовес Азиатской Турции [22. С. 20–21].

Публицист называл заблуждением проведение прямой аналогии между объединительными процессами в Германии и у славянских народов. Германия представляла собой сложившуюся, но политически раздробленную нацию, при том что отдельные части германской нации представляли собой суверенные государства с немецкими национальными династиями. Славяне были не нацией, а племенем, состоявшим из отдельных народностей, имевших свои национальные языки, исторические традиции. По мнению публициста, немцы стремились к созданию союзного государства. Славянские народы, длительное время лишённые государственности, стремились к независимости, поэтому возможным мог быть только союз суверенных славянских государств [27. С. 11–12].

Другим препятствием создания единого славянского государства были очевидные расхождения в государственных предпочтениях. Славяне Европы, по мнению К.Н. Леонтьева, уже сложились как конституционалисты, и вхождение в качестве части в Русское самодержавное государство их вряд ли устроит. Между тем публицист считал для России с ее все усиливавшейся разнородностью включаемых в состав новых земель в результате экспансии в Азию неизбежно усиление централизации [Там же. С. 16–17].

К.Н. Леонтьев предостерегал от форсирования процесса формирования панславистских планов. Ущерб мог быть нанесен не только Турции и Австрии, но и России [28. С. 89]. Публицист напоминал, сколько «забот и крови» стоило России присоединение всего лишь части Польши. Вывод К.Н. Леонтьева достаточно категоричен: «Образование одного сплошного и всеславянского государства было бы началом падения царства русского. Слияние славян в одно государство было бы кануном разложения России. “Русское море” иссякло бы от слияния в нем “славянских ручьев”» [27. С. 18].

Публицист видел в панславистских устремлениях отражение политики «племенного обособления», обладавшей в Европе и приведшей к мощным политическим и социальным потрясениям. Вновь настаивая на связи национального и либерального движений, он полагал, что политический панславизм неизбежно вызовет аналогичные процессы в славянском мире [28. С. 97].

К.Н. Леонтьев противопоставлял культурное славянофильство и политический панславизм. Ранние славянофилы также считали необходимым создание славянской федерации для реализации идеи славянского единства, но главным для них было создание особой славянской культуры, отличной от европейской и азиатской, достижение духовного единства. Панславизм был политическим течением и ставил конкретные цели передела политической карты Европы. Но политическое объединение народов, не сплочённых духовно, не опиравшееся на сформировавшуюся общую культуру, будет аналогично племенному обособлению либеральных стран Европы. Оно разрушит самобытность славянских народов и приведет к торжеству космополитизма. Особенно тревожило К.Н. Леонтьева преобладание в среде славянской ин-

теллигенции либеральных взглядов. Он не исключал возможности главенства либералов в панславистском движении, что будет иметь самые печальные последствия для Восточной Европы.

Таким образом, К.Н. Леонтьев выступал не против самой идеи объединения славян под эгидой России, но против начала этого процесса в условиях торжества либерализма. Он расходился с панславистами в оценке возможностей России влиять на славянские страны. Панслависты считали, что Россия в состоянии будет не только обеспечить политическое единство, но и универсализм социально-политических систем славянских стран на основе русских образцов, защитив их от экспансии европейской либеральной модели. К.Н. Леонтьев, наоборот, полагал, что вмешательство России в Балканские процессы и разрушение сложившейся здесь системы межгосударственных отношений приведут к дестабилизации и в самой России. Зараженные либерализмом представители славянской интеллигенции будут проводниками этих идей в Россию.

Публицист не призывал свернуть внешнюю экспансию России, а лишь предлагал отказаться от бесперспективной и вредной идеи славянского государства и сосредоточиться на поддержании евразийской сущности российской государственности, оказывая покровительство не на основе кажущегося племенного родства, а исходя из государственных интересов [27. С. 19]. К.Н. Леонтьев считал, что Россия, лежащая на пересечении Востока и Запада, обязана своим величием смешению в ее культуре элементов европейских и азиатских (с преобладанием последних). И в будущем следовало не только сохранять, но и усиливать данную тенденцию [29. С. 323–324]. То есть византизмом и Востоком публицист хотел заслониться от европейского разлагающего воздействия.

В принципе, цели К.Н. Леонтьева и славянофилов были близки – развивать Россию как православное монархическое государство, но различались средства их достижения. Славянофилы, считая русский народ носителем православия и монархизма, видели в нем главную силу реализации своих планов. Также и укрепление государственности им виделось посредством усиления его национального характера, через обрусение национальных окраин.

К.Н. Леонтьев пришел к выводу о неразрывной связи современных ему национальных процессов с либеральной модернизацией. Он посчитал возможным опору государственной политики не на нации как на реальные сообщества, обладавшие собственными интересами, а на национальность как элемент общественного сознания, имеющего культурно-религиозную, а не этническую основу, безусловно подчиненную государственным интересам. К.Н. Леонтьев вынужден был констатировать, что проникновение враждебных либеральных и социалистических идей наиболее губительно сказалось именно на русском народе, утратившем традиционные ценности, делавшие его опорой государства. Поэтому для сохранения империи в противостоянии с либеральным национализмом следовало ори-

ентироваться на народности, сохранившие религиозность и монархизм, поскольку выбор был не между православием и иными конфессиями, а меж-

ду верой и атеизмом и вопрос стоял не в сохранении русского национального характера монархии, а в сохранении монархии вообще.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милоков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский. Леонтьев. Соловьев // Из истории русской интеллигенции. М. : Тип. Монтвида, 1903. С. 266–306.
2. Трубецкой С.Н. Разочаровавшийся славянофил // Собрание сочинений. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. Т. 1. С. 17–221.
3. Пытин А.Н. Из истории панславизма // Вестник Европы. 1893. № 9. С. 267–313.
4. Тихомиров Л.А. Русские идеалы и К.Н. Леонтьев // Русское обозрение. 1894. Т. 29. С. 867–882.
5. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Париж : YMCA-Press, 1926. 269 с.
6. Авдеева Л.Р. Религиозно-консервативная социология К.Н. Леонтьева : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1983. 22 с.
7. Голосенко И.А. Социальная философия неославянства: Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев // Социологическая мысль в России: Немарксистская социология последней трети XIX – начала XX в. Л. : Наука, 1978. С. 227–254.
8. Янов А. Славянофилы и Константин Леонтьев (русская консервативная мысль XIX в. и ее интерпретаторы) // Вопросы философии. 1969. № 8. С. 97–106.
9. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики. М. : Новое издательство, 2008. 252 с.
10. Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии. М. : Новое издательство, 2005. С. 436–472.
11. Попов Э.А., Кисиль А.С. Русский национализм и российский консерватизм: дореволюционный опыт взаимоотношений // Южнороссийское научное обозрение. Ростов н/Д, 2002. Вып. 9. С. 116–130.
12. Валицкий А. История русской мысли от просвещения до марксизма. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 480 с.
13. Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шаццло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.
14. Емельянов-Лукьянчиков М.А. К.Н. Леонтьев о национальной политике // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 4. С. 23–30.
15. Хатунцев С.В. К.Н. Леонтьев о национализме и национальной политике // Страницы истории и историографии отечества. Воронеж, 2001. Вып. 3. С. 128–143.
16. Леонтьев К.Н. Культурный идеал и племенная политика. Письма г-ну Астафьеву // Славянофильство и грядущие судьбы России. М. : Институт русской цивилизации, 2010. С. 913–968.
17. Леонтьев К.Н. Кто правее? Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву. О национализме политическом и культурном // Славянофильство и грядущие судьбы России. М. : Институт русской цивилизации, 2010. С. 969–1085.
18. Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на Православном Востоке // Сочинения. СПб. : Издание В.М. Саблина, 1913. Т. 6. С. 195–270.
19. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Славянофильство и грядущие судьбы России. М. : Институт русской цивилизации, 2010. С. 34–172.
20. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Избранные статьи. М. : Современник, 1984. С. 199–237.
21. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // Полное собрание сочинений. М. : Университетская типография, 1900. Т. 1. С. 3–30.
22. Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Сочинения. СПб. : Издание В.М. Саблина, 1913. Т. 7. С. 13–56.
23. Аксаков И.С. О взаимоотношении народа, государства и общества // Собр. соч. : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанникова, 1886. Т. 2. С. 26–58.
24. Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина // Сочинения. СПб. : Издание В.М. Саблина, 1913. Т. 7. С. 417–426.
25. Н. К-в. [Леонтьев К.Н.] Православие и католицизм в Польше // Гражданин. 1882. 19 дек. С. 5–9.
26. Леонтьев К.Н. Наши окраины // Сочинения. СПб. : Издание В.М. Саблина, 1913. Т. 7. С. 244–264.
27. Леонтьев К.Н. Панславизм и греки // Сочинения. СПб. : Издание В.М. Саблина, 1913. Т. 5. С. 7–44.
28. Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» (1880 г.) // Сочинения. СПб. : Издание В.М. Саблина, 1913. Т. 7. С. 57–158.
29. Леонтьев К.Н. Кто правее? Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву // Сочинения. СПб., 1913. Т. 7. С. 285–379.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 сентября 2015 г.

K.N. LEONTIEV IN THE RUSSIAN NATIONAL DISCOURSE OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 100–107. DOI: 10.17223/15617793/401/16

Kudriashev Vyacheslav N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

Keywords: nationalism; nation; nationality; Byzantinism; Slavophilism.

Leontiev tried to build a mechanism of action of European society liberalization that accompanied the national movement in the 19th century in the implementation of national projects. He argued that liberal egalitarianism destroyed the individuality of the person eliminating all existing differences in society: class, religious, corporate. Byzantinism as an ideological doctrine was based on the unconditional subordination of all elements of society, the people and the church, to the state. Therefore, Leontiev saw the Slavophile idea of equivalence of the nationality and Orthodoxy to autocracy as a dangerous idea bearing an element of liberalism, because it was a threat to the absolute power of the state. The idea of the nation as an autonomous subject of historical activity was categorically rejected for the same reason. He saw the national liberation movement inseparable from liberal revolutions because liberalism fought for the elimination of a rigid hierarchical social system, that is Byzantinism, for the autonomy of the individual, the nation. The right of a nation to self-determination implied acceptance of the existence of a public power alternative to the state, an autonomous public institution. Leontiev opposed cultural and political Slavophilism, not speaking against the idea of unification of the Slavs under the auspices of Russia, but against the beginning of the process in the triumph of liberalism. He disagreed with Pan-Slavists in assessing Russia's ability to influence the Slavic countries. Pan-Slavists believed that Russia would be able to provide not only political unity but also universality of social and political systems of the Slavic countries based on Russian models, protecting the countries from the expansion of the European liberal model. Leontiev, on the contrary, believed that Russia's intervention in the Balkan processes and the destruction of the existing system of interstate relations here would lead to destabilization in Russia itself. Slavic intelligentsia representatives infected by liberalism would be conductors of these ideas in Russia. Leontiev made a conclusion about the insepa-

rability of the contemporary national processes with liberal modernization. He considered it possible to support government policy relying on ethnicity as an element of social consciousness which has a cultural and religious, not ethnic, basis definitely subordinate to the public interest rather than relying on the nation as a real community with its own interests. Leontiev was forced to admit that the penetration of hostile liberal and socialist ideas had the most detrimental impact on the Russian people who lost traditional values that used to be the support of the state. Therefore, to preserve the empire in opposition to liberal nationalism it was necessary to focus on peoples that preserved religiosity and monarchism, because the choice was not between the Orthodox Church and other faiths, but between faith and atheism. The question was not in the preservation of the Russian national character of the monarchy, but in the preservation of monarchy as such.

REFERENCES

1. Milyukov, P.N. (1903) Razlozhenie slavyanofil'stva. Danilevskiy. Leont'ev. Solov'ev [Explanation of Slavophilism. Danilevsky. Leontiev. Solov'ev]. In: Milyukov, P.N. *Iz istorii russkoy intelligentsii* [From the history of the Russian intelligentsia]. Moscow: Tip. Montvida.
2. Trubetskoy, S.N. (1907) Razocharovavshiysya slavyanofil [A disappointed Slavophile]. In: Trubetskoy, S.N. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. V. 1. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko.
3. Pypin, A.N. (1893) Iz istorii panslavizma [From the history of Pan-Slavism]. *Vestnik Evropy*. 9. pp. 267–313.
4. Tikhomirov, L.A. (1894) Russkie idealy i K.N. Leont'ev [Russian ideals and K.N. Leontiev]. *Russkoe obozrenie*. 29. pp. 867–882.
5. Berdyaev, N.A. (1926) *Konstantin Leont'ev. Ocherk iz istorii russkoy religioznoy mysli* [Konstantin Leontiev. Essay of the history of Russian religious thought]. Paris YMCA-Press.
6. Avdeeva, L.R. (1983) *Religiozno-konservativnaya sotsiologiya K.N. Leont'eva* [Religious and conservative sociology of K.N. Leontiev]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.
7. Golosenko, I.A. (1978) Sotsial'naya filosofiya neoslavlyanstva: N.Ya. Danilevskiy, K.N. Leont'ev [Social philosophy of neo-Slavism: N.Ya. Danilevsky, K.N. Leontiev]. In: Chagin, B.A. (ed.) *Sotsiologicheskaya mysl' v Rossii: Nemarksistskaya sotsiologiya posledney treti XIX – nachala XX v.* [Sociological thought in Russia: non-Marxist sociology of the last third of the 19th – early 20th centuries]. Leningrad: Nauka.
8. Yanov, A. (1969) Slavyanofily i Konstantin Leont'ev (russkaya konservativnaya mysl' XIX v. i ee interpretatsiya) [Slavophiles and Konstantin Leontiev (Russian conservative thought of the 19th century and its interpreters)]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 97–106.
9. Pipes, R. (2008) *Russkiy konservatizm i ego kritiki* [Russian conservatism and its critics]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
10. Renner, A. (2005) Izobretayushchee vospominanie: Russkiy etnos v rossiyskoy natsional'noy pamyati [Inventing memories: the Russian ethnic group in the Russian national memory]. In: Kabytov, P.S. et al. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii* [The Russian Empire in the foreign historiography]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
11. Popov, E.A. & Kisil', A.S. (2002) Russkiy natsionalizm i rossiyskiy konservatizm: dorevolutsionnyy opyt vzaimootnosheniy [Russian nationalism and Russian conservatism: the pre-revolutionary experience of relations]. *Yuzhnorossiyskoe nauchnoe obozrenie*. 9. pp. 116–130.
12. Valitskiy, A. (2013) *Istoriya russkoy mysli ot osvещения do marksizma* [The history of Russian thought from the Enlightenment to Marxism]. Moscow: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya".
13. Grosul, V.Ya. et al. (2000) *Russkiy konservatizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika* [Russian conservatism of the 19th century. The ideology and practice]. Moscow: Progress-Traditsiya.
14. Emel'yanov-Luk'yanchikov, M.A. (2007) K.N. Leont'ev o natsional'noy politike [K.N. Leontiev on national policies]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. 4. pp. 23–30.
15. Khatuntsev, S.V. (2001) K.N. Leont'ev o natsionalizme i natsional'noy politike [K.N. Leontiev on nationalism and national policies]. *Stranitsy istorii i istoriografii otechestva*. 3. pp. 128–143.
16. Leont'ev, K.N. (2010) Kul'turnyy ideal i plemennaya politika. Pis'ma g-nu Astaf'evu [The cultural ideal and tribal politics. Letters to Mr. Astafiev]. In: Leont'ev, K.N. *Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii* [Slavophilism and future fates of Russia]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
17. Leont'ev, K.N. (2010) Kto pravee? Pis'ma k Vladimiru Sergeevichu Solov'evu. O natsionalizme politicheskoy i kul'turnom [Who is right? Letters to Vladimir Soloviev. On the political and cultural nationalism]. In: Leont'ev, K.N. *Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii* [Slavophilism and future fates of Russia]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
18. Leont'ev, K.N. (1913) Plody natsional'nykh dvizheniy na Pravoslavnom Vostoke [The fruits of national movements in the Orthodox East]. In: Leont'ev, K.N. *Sochineniya* [Works]. V. 6. St. Petersburg: Izdanie V.M. Sablina.
19. Leont'ev, K.N. (2010) Vizantizm i slavyanstvo [Byzantinism and the Slavs]. In: Leont'ev, K.N. *Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii* [Slavophilism and future fates of Russia]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
20. Kireevskiy, I.V. (1984) O kharaktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii [The nature of education in Europe and its relation to the Russian education]. In: Kireevskiy, I.V. *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Moscow: Sovremennik.
21. Khomyakov, A.S. (1900) Mnenie inostrantsev o Rossii [Opinion of foreigners about Russia]. In: Khomyakov, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. V. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
22. Leont'ev, K.N. (1913) Gramotnost' i narodnost' [Literacy and ethnicity]. In: Leont'ev, K.N. *Sochineniya* [Works]. V. 7. St. Petersburg: Izdanie V.M. Sablina.
23. Aksakov, I.S. (1886) O vzaimootnoshenii naroda, gosudarstva i obshchestva [On the relationship of the people, the state and society]. In: Aksakov, I.S. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 v.]. V. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova.
24. Leont'ev, K.N. (1913) Nad mogiloy Pazukhina [Over the grave of Pazukhin]. In: Leont'ev, K.N. *Sochineniya* [Works]. V. 7. St. Petersburg: Izdanie V.M. Sablina.
25. K-v., N. [Leont'ev, K.N.] (1882) Pravoslaviye i katolitsizm v Pol'she [Orthodoxy and Catholicism in Poland]. *Grazhdanin*. 19 December. pp. 5–9.
26. Leont'ev, K.N. (1913) Nashi okrainy [Our margins]. In: Leont'ev, K.N. *Sochineniya* [Works]. V. 7. St. Petersburg: Izdanie V.M. Sablina.
27. Leont'ev, K.N. (1913) Panslavizm i greki [Pan-Slavism and Greeks]. In: Leont'ev, K.N. *Sochineniya* [Works]. V. 5. St. Petersburg: Izdanie V.M. Sablina.
28. Leont'ev, K.N. (1913) Peredovye stat'i "Varshavskogo dnevnika" (1880 g.) [Editorials of the Warsaw Diary (1880)]. In: Leont'ev, K.N. *Sochineniya* [Works]. V. 7. St. Petersburg: Izdanie V.M. Sablina.
29. Leont'ev, K.N. (1913) Kto pravee? Pis'ma k Vladimiru Sergeevichu Solov'evu [Who is right? Letters to Vladimir Soloviev]. In: Leont'ev, K.N. *Sochineniya* [Works]. V. 7. St. Petersburg: Izdanie V.M. Sablina.

Received: 08 September 2015